

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВЕДЕНИЙ «ЗУБДАТ АЛ-ФИКРА» В НАУЧНОМ ТРУДЕ А.А. ПОРСИНА

Ж.М. Сабитов

*Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
babasan@yandex.ru*

Цель: данная рецензия на книгу А.А. Порсина о сведениях из «Зубдат ал-фикра» об истории Улуса Джучи в конце XIII – начале XIV вв. нацелена на анализ целого ряда гипотез, выдвинутых автором в рамках данной книги. В рецензии отмечены как достоинства, так и недостатки, выявленные в данной монографии.

Среди наиболее обоснованных гипотез А.А. Порсина можно выделить следующие тезисы:

1. Племя баят (бай) играло большую роль в истории Улуса Джучи еще со времен Берке вплоть до воцарения Токты. Позже при воцарении Узбек-хана, баяты также играли большую роль.

2. На основе целого ряда косвенных свидетельств автор делает предельно ясный вывод о том, что источником сведений Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури была некая рукопись, оставившая свои следы и в других арабографических мамлюкских источниках. А источником сведений об Улусе Джучи в данной рукописи был выходец из Улуса Джучи, который участвовал во всех крупных политических событиях 1285–1313 годов и оказался в Египте после 1313 года. Данный информатор, сообщивший сведения об истории Улуса Джучи, относился к сторонникам эмира Таза, сына Мунджука.

3. Можно четко фиксировать кардинально различные взгляды информатора «Зубдат ал-фикра» и Рашид ад-дина на историю Улуса Джучи.

Стоит отметить, что работа А.А. Порсина является значительным вкладом в изучение этнополитической истории Улуса Джучи.

Ключевые слова: Золотая Орда, Ногай, Токта-хан, Узбек-хан, Зубдат ал-фикра, мамлюки, баяты, кыпчаки, Джиджек-хатун, Тула-Буга-хан

Для цитирования: Сабитов Ж.М. Интерпретация сведений «Зубдат ал-фикра» в научном труде А.А. Порсина // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 552–562. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.552-562

INTERPRETATION OF ZUBDAT AL-FIKRA'S INFORMATION IN THE WORK OF A.A. PORSIN

Zh.M. Sabitov

*L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
babasan@yandex.ru*

Abstract: The purpose of this review is to evaluate the academic qualities of a book by A.A. Porsin about information from “Zubdat al-fikra” on the history of the ulus of Jochi in the late thirteenth and early fourteenth centuries.

The book is divided into two parts. In the first part, the author tries to establish the degree of reliability of information from “Zubdat al-fikra”. A.A. Porsin suggested numerous hypotheses in his book. In his opinion, the Bayat (a Kypchak tribe) played an important role in the Golden Horde from the time of Berke’s rule to the beginning of Tokhta’s rule. Representatives of the Bayat tribe contributed to the election of Uzbek Khan. According to the author, Chimpai, the son of Jochi, bore the informal title of “aqa” as the eldest in the family. After his death in 1291, Noghai became the new “aqa”. In 1293, Tokhta executed not only representatives of the Bayat tribe, but also Yaku, the heir of Chimpai.

In the second part, the author offers his own version of the origin of the information source for “Zubdat al-fikra”. According to A.A. Porsin, the informant took part in political events in the Golden Horde in 1285–1313. He belonged to a political party whose head was Taz, the son of Munjuk. After 1313, he moved to Egypt and there became an informant for a now lost manuscript. This missing manuscript became the source for “Zubdat al-fikra” and for several other Arabic texts. The informer of “Zubdat al-fikra” had his own “non-Mongol” view of the history of the Golden Horde. From this viewpoint, the descendants of Chinggis Khan were equal in status to the tribal aristocracy. The work of A.A. Porsin made a great contribution to the study of the ethnopolitical history of the ulus of Jochi.

Keywords: Golden Horde, Nogai, Toqta Khan, Uzbek Khan, Zubdat al-Fikra, Mamluks, Bayat, Kipchak, Jidzhek-Khatun, Tulabuka Khan

For citation: Sabitov Zh.M. Interpretation of Zubdat al-fikra’s Information in the Work of A.A. Porsin. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 552–562. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.552-562

Введение

«Зубдат ал-фикра» является ценным историческим источником по истории мамлюкского Египта, но и близлежащих стран, в том числе Хулагуидского Ирана и Улуса Джучи. В 2018 году в Казани вышла монография А.А. Порсина, посвященная изучению этого произведения как источника по истории Золотой Орды. Первые извлечения из данного источника по истории Улуса Джучи были опубликованы В.В. Тизенгаузеном в 1884 году [7, с. 76–123]. В 2005 году в Казахстане переиздали извлечения по истории Золотой орды из данного труда [1, с. 86–116]. Как отмечает сам автор монографии: «можно с уверенностью заявить, что для золотоордынской истории этого периода “Зубдат ал-фикра” является вторым по информативности источником, после “Джами’ ат-таварих” Рашид ад-дина» [4, с. 5].

Несмотря на то, что данный источник известен историкам, изучающим Улус Джучи уже более 130 лет, глубокого полного источниковедческого анализа сведений «Зубдат ал-фикра» по истории Золотой Орды так и не было проведено. Вызвано это было разными факторами. С одной стороны, вплоть до появления «Казанского центра» изучения истории Золотой Орды, хронологическая плотность научных дискуссий о тех или иных аспектах истории Улуса Джучи была очень мала. С другой стороны, стоит отметить, что из всех трех видов специализации классических историков (внешняя критика источников, внутренняя критика источников и исторический синтез) внутренняя критика источников – это самая редкая специализация для историков, которые изучают историю Улуса Джучи. Проводить на должном уровне «отрицательную историческую критику», а конкретно «критику достоверности» и «критику точности» [3, с. 7–10] в области изучения Улуса Джучи могут

немногие специалисты. Более распространенным является девиантный с точки зрения методологии истории паттерн, популяризированный в свое время Л.Н. Гумилевым, который заключался в пренебрежении внутренней критикой источника (Л.Н. Гумилев «снисходительно» называл это «мелочеведением») при проведении исторического синтеза. Данный паттерн характеризовался тем, что в нем талантливо, «в стиле Шахерезады», по выражению Л.С. Клейна [2], пересказывались сведения из первоисточников. Причем сведениям первоисточника оказывалось «методологическое доверие», что по идее, противоречит взглядам классиков методологии истории, которые считали, что к сведениям из первоисточников необходимо проявлять принцип «методологического недоверия» и только после проведения внутренней критики источника можно использовать четко установленные факты в историческом синтезе.

Методы и материалы

Работа А.А. Порсина относится к категории монографий, которые нацелены на внутреннюю критику источника. Столь редкий жанр в области изучения истории Улуса Джучи может привести к тому, что коллеги, изучающие данный период и регион, могут не обратить должного академического внимания на данную монографию, ценность которой, по нашему мнению, довольно высока.

Монография структурно делится на две части. В первой главе анализируются сообщения «Зубдат ал-фикра» об истории Улуса Джучи на предмет их достоверности. То есть первая глава посвящена «отрицательной внутренней критике» источника, то есть установлению исторических фактов на основе как анализа самого источника, так и на основе сравнений сведений данного источника с другими источниками. Вторая глава отчасти посвящена критике происхождения. Как известно, существуют два вида внешней критики: восстановительная критика и критика происхождения. Если первая часть обычно является полем деятельности филологов (в данном случае востоковедов-арабистов), которые сверяют разные списки сочинения и издают критический текст, то вторая часть внешней критики становится полем исследования для людей, которые в основном занимаются внутренней критикой источников. Также во второй главе А.А. Порсин использует исторический синтез, когда фактически реконструируются биографии «золотоордынских баятов», Курмыши и его детей, Таза, Тунгуза, Кутлук-Тимура и его братьев.

Результаты

Ниже мы отметим те моменты, которые, по нашему субъективному мнению, являются научно обоснованными и являются «новым научным знанием». Также мы отметим те интерпретации автора, с которыми мы не согласны.

Во введении автор коротко в тезисной форме дает нам сведения об авторе источника, а также описывает в лапидарной форме свои тезисы [4, с. 4–11].

В первой части первой главы [4, с. 12–54] автор анализирует события 1285–1293 годов. Вслед за Р. Хаутала [9, с. 488] автор считает, что датировка похода из «Зубдат ал-фикра» ошибочна и поход начался не в 1287, а в 1285 году [4, с. 13]. Интересны гипотезы А.А. Порсина в отношении вопросов о том, кто был инициатором похода [4, с. 14], о маршруте похода [4, с. 15], а

также причины вражды между Ногаем и Тула Бугой, где автор продвигает свой тезис о том, что по мнению информатора, причиной появления вражды стала «погодная магия» со стороны Ногая, которая привела к гибели большей части войска Тула Буги [4, с. 19–21]. Данный тезис звучит логично и убедительно. Ниже А.А. Порсин рассматривает сведения «Зубдат ал-фикра» о смерти Тула Буги [4, с. 22–25], отмечая очень детальную информированность о том, как были пленены Тула Буга и его соправители. Далее А.А. Порсин анализирует сведения источника о приходе к власти Токты и казни эмиров Тула Буги по «просьбе» Ногая [4, с. 25–36]. Одной из главных находок здесь является тезис о том, что одним из казненных эмиров был Яку, внук и преемник Чимпая, сына Джучи [4, с. 26]. С данным тезисом можно абсолютно согласиться. Таким образом получается, что Чимпай, сын Джучи дожил до конца 1290–1291 годов. После него стал править его внук Яку, который в период между декабрем 1292 – декабрем 1293 года был казнен по «просьбе» Ногая. Также А.А. Порсин приводит свою интерпретацию племенной принадлежности части казненных эмиров. С тезисом, что имя казненного эмира Баринтохты стоит читать как Тохта из рода Барин [4, с. 28], мы абсолютно согласны. Также очень оригинальной и логичной является версия о том, что четыре эмира (Байтара, Баймеликтемир, Байтуктемир, Байгур) являются представителями одного рода Бай (Баят). Необходимо отметить, что помимо этих четырех, был еще один казненный эмир с приставкой бай (Байанджи) [1, с. 98], который мог принадлежать также к группе Бай (Баят). К этой теме А.А. Порсин еще вернется во второй главе.

Мы же отметим, что данный тезис можно подкрепить следующим фактом. Как известно, после восшествия на престол Туда Менгу в Улус Джучи египетский султан послал дары. Среди получателей отмечены Джиджекхатун, Олджай-хатун, Туилун-хатун, Тудаюн-хатун, Султан-хатун, Хутлухатун, а также эмир Маву, «начальник левого крыла», и эмир Тайра, «начальник правого крыла». По нашему мнению, упомянутый здесь Тайра идентичен Байтаре (Тара [Тайра] из рода Бай [Баят]). Упоминание его вместе с Джиджекхатун говорит о том, что он мог быть ее креатурой и, возможно, родственником (такие «родственные тандемы» мы могли наблюдать у Боракчинхатун и эмиров из рода Алчи-татар, а также у Тайдулы и эмира Могул Буги из рода Кыпчак). Должность «начальника правого крыла» говорит, что Тайра курировал западную часть Улуса Джучи, что могло вызывать во времена правления Менгу Тимура конфликты с Ногаем, чей улус относился к «правому крылу». Скорее всего, влияние Тайры было высоким при Менгу Тимуре. При Туда Менгу мы видим, что фактически руководителем правого крыла стал Ногай, а руководителем левого крыла – Коничи. Подарки для Тайры и Маву после смерти Менгу Тимура говорят, что в его правление они были довольно высокого положения.

В «Зубдат ал-фикра» отмечено, что по приказу Ногая были казнены эмиры в 692 году хиджры, а также в 693 году хиджры были отмечены казни многих людей из улуса Джучи. Согласно данному источнику: *«В 693 году Ногай, сын Татара, сына Могола, сына Душихана, сына Чингизхана, правитель в Северных областях, казнил множество Татар. Мы уже говорили о том, как он выдвинулся и усилился в этих странах, благодаря жене царя их Менгутемира, по имени Джиджекхатуни. Она правила (государством) во времена*

мужа своего и в царствование Туданменгу, севшего на престол после него. Стал им в тягость гнет ее, и они пожаловались на нее Ногаю, который приказал задушить ее. Она и была задушена; вместе с нею был убит эмир, который находился под ее защитой и выполнял приказания ее. Имя его Байтара» [1, с. 99]. Это позволило утверждать А.А. Порсину, что фактически мы видим тут два разных сообщения об одном и том же событии. Но здесь мы имеем свою точку зрения. Дата 693 года хиджры не связана со смертью Джиджек-хатун. Рассказ о ее смерти был ошибочно помещен под 693 годом хиджры, так как автор «Зубдат ал-фикра» пытался соединить свои сведения со сведениями своего информатора (автор сведений о списке казненных эмиров). Скорее всего, ближе к оригиналу находится отрывок о смерти Джиджек-хатун из сведений Ибн Халдуна: *«Ногай же прошел ближайшей дорогой и пробрался в свои владения, уцелев от такой невзгоды. Султан Тулабуга заподозрил его в измене по этому делу и стал мстить ему за его самоуправство, дошедшее до того, что он убил жену отца его, Джиджек, бывшую в силе при отце и брате его; пожаловались на нее Ногаю и он приказал умертвить ее посредством задушения. Он убил (также) эмира, который находился в услужении ее, по имени Байтара» [1, с. 282].* В данном источнике нет никакой привязки смерти Джиджек-хатун к 693 году хиджры. Также, мы видим, что в этом рассказе Джиджек-хатун погибла еще до смерти Тула Буги, который пытается мстить Ногаю за смерть мачехи («жена отца его», правда отцом назван Менгу Тимур).

По нашему мнению, сведения Ибн Халдуна тут более верны, и Джиджек-хатун погибла еще во времена Тула Менгу (более вероятно, учитывая ослабление центральной власти в его правление) или в ранние годы правления Тула Буги (менее вероятно), а ее протеже и потенциальный родственник Байтара погиб уже в 1293 году с целой группой эмиров, настроенных против Ногай. В этом случае ясны четкие причины начала вражды Тула Буги и его соправителей с Ногаем. Одним из соправителей Тула Буги был Алгуй, сын Менгу Тимура и Джиджек-хатун. Его настроение и стремление отомстить убийце родной матери в контексте провала похода на Запад, могло передаться Тула Буге. Стоит также отметить, что, вполне возможно, Джиджек-хатун также была из рода кыпчаков-баятов и была из родственников Теркен-хатун. Этим объясняется ее близость с первым мужем Берке, который также имел родственников среди кыпчаков-баятов. В этом контексте понятно, почему четыре эмира из рода Баят во главе с бывшим «начальником правого крыла» Тайрой (Байтара) были в оппозиции к Ногаю.

Также мы не согласны с тезисом о том, что безымянная мать Тула Буги идентична Джиджек-хатун, который выдвигает А.А. Порсин [4, с. 38], а ранее выдвигал Р.Ю. Почекаев [5, с. 281]: судя по источникам, Джиджек-хатун была поочередно женой Берке, Менгу Тимура, Тула Менгу и являлась мачехой Тула Буги.

А.А. Порсин очень детально и скрупулезно рассматривает вопросы, связанные с противостоянием Ногай и Тула Буги [4, с. 40–48]. Логически обоснованной является версия А.А. Порсина о причинах, почему русские князья поехали в Орду не в 1291, а в 1293 году, спустя только два года после прихода к власти Токты [4, с. 48–49]. Интересен также тезис о том, что переворот Ногай и

Токты в 1291 году был вызван смертью Чимпая, который был ака (старшим в роду). После его смерти данный неформальный титул получил Ногай, его влияние возросло, и Тула Буга вынужден был идти на переговоры с Ногаем [4, с. 50]. Спорным является тезис А.А. Порсина о том, что в 1285–1291 годах Тула Буга и его соратники удерживали престол без проведения общеджучидского курултая [4, с. 52]. Очень привлекательным является тезис о том, что Ногай попросил казнить эмиров в 1293 году, потому что такие полномочия у Токты появились после курултая 1293 года, который утвердил его ханом [4, с. 52].

Во второй части первой главы [4, с. 54–151] А.А. Порсин рассматривает события 1297–1301 гг. из данного источника. Эта часть монографии также написана на высоком научном уровне. Хорошо аргументированным является тезис о том, что информатор Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури слишком сильно выделял Таза, сына Мунджука, фактически выставляя этого второстепенного персонажа на первый план [4, с. 58]. Очень оригинальна мысль автора о том, что ханский домен находился в степях Дона, а восточной границей его было Поволжье [4, с. 66–69].

А.А. Порсин проводит качественный сравнительный анализ сведений о дате первой битвы между Ногаем и Токтой [4, с. 69–70] и событий, последовавших за ней [4, с. 70–82]. Аргументированным является тезис о том, что Ногай передал в управление Крым своему внуку Ак-таджи [4, с. 82–83]. Далее А.А. Порсин анализирует события, связанные с детьми Курмыши [4, с. 84–92]. Он приходит к резонному выводу, что из-за большого количества мелких деталей, информатор Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури, скорее всего, сам был участником боя между детьми Ногаем и детьми Курмыши [4, с. 86]. Обоснованными являются точки зрения о трактовке слов «развели огонь» как военном обманном приеме [4, с. 87–89] и трактовки слов «выступили против» как «высказали несогласие» [4, с. 89–90]. Эти трактовки только усиливают тезис этой части о том, что дети Курмыши не были столь беспечны и пассивны, как это описано в «Зубдат ал-фикра». Можно полностью согласиться с тезисом, что дети Курмыши вели себя более агрессивно в противостоянии с детьми Ногаем.

Довольно глубоко автор разбирает события второй битвы Ногаем и Токтой [4, с. 93–108]. Можно полностью согласиться с мнением автора, что уход пяти эмиров во главе с Маджи от Ногаем к Токте связан с убийством двух детей Курмыши и что хронология событий у Рашид ад-дина немного нарушена [4, с. 94–95]. Анализируя список сторонников Токты [4, с. 95–98], А.А. Порсин в целом соглашается с нашей реконструкцией [6, с. 251–252]. Единственный момент расхождений связан с Акбугой, коих, судя по мнению А.А. Порсина, было два. Теоретически конечно же такой вариант не исключен, но, по нашему мнению, все-таки аргументация данного тезиса у А.А. Порсина не столь убедительна. По нашему мнению, данный Акбуга может быть отождествлен с Акбугой киятом, который в 1315 году выступал послом Узбек-хана в ильханат.

Далее А.А. Порсин разбирает эпизод, связанный с враждой между детьми Ногаем [4, с. 108–110], события 700 года хиджры [4, с. 111–132], а также события 701 года хиджры [4, с. 133–151].

Анализируя события 700 года хиджры, А.А. Порсин довольно подробно и глубоко анализирует смерть Теки, сына Ногаем [4, с. 111–121], альянс Таза и Тунгуза [4, с. 121–127]. Логически обоснованным является авторский тезис, о

том, что информатор участвовал в военных действиях против Джеки на стороне Тугулджи, дочери Ногая [4, с. 127–128]. Это и другие мелкие подробности дают основания А.А. Порсину выдвигать тезис, что подробный рассказ о смерти Теки и другие сведения призваны «легитимизировать предательство Таза и Тунгуза» [4, с. 129]. Ниже автор продолжает свою аргументацию тезиса о том, что информатор Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури был из числа сторонников Таза и Тунгуза [4, с. 129–132].

При анализе событий 701 года хиджры, автор анализирует события в улусе Орда-ичена [4, с. 133–140] и приходит к выводу, что известия в «Зубдат ал-фикра» о потомках Орда-ичена не являются рассказом информатора, который был источником по истории жизни Ногая и его детей [4, с. 140].

Невозможно согласиться с тезисом о том, что место Йанджи было в Крыму [4, с. 140]. Здесь автор не приводит никаких аргументов в пользу данной точки зрения. В «заочной дискуссии» между В.П. Костюковым и А. Узелацем по поводу датировки посольства Турая в Иран автор поддерживает точку зрения А. Узелаца [4, с. 141], с чем можно согласиться. Авторский разбор эпизода с казнью Турая и Сарай-Буги [4, с. 142] приводит автора к мысли, что Сарай-Буга был обделен Токтой при разделе владений Ногая [4, с. 143]. Тезис автора о том, что во время казни Турая и Сарай-Буги Токта с Бурлюком находились в западной части Улуса Джучи [4, с. 144–145], вполне логичен и не противоречит данным первоисточников.

Интересна мысль автора о том, что отправка Токтой войск во главе с Бурлюком на восток для поддержки Баяна была скоординирована с действиями каана Тэмур (император династии Юань) [4, с. 146–147]. Далее автор рассуждает о судьбе Каракесека, внука Ногая [4, с. 147–149], отмечая идею С. Закирова, высказанную автору монографии об отождествлении Ильбасмыша Михайловича (упоминается в русских летописях 1302 года) с Ильбасмышем, сыном Мингкадара (кузен Ногая) [4, с. 149–151].

На следующих страницах автор разбирает события 1309–1313 годов [4, с. 151–164]. Сравнивая соотношение текстов ан-Нувайри и ал-Айни, автор справедливо отмечает: *«источники монгольских сообщений мамлюкских историков практически не изучены, а четкая картина взаимозависимости отдельных сочинений до сих пор отсутствует»* [4, с. 152–153]. Ниже автор начинает разбирать историю воцарения Узбека [4, с. 153–155], относя рассказы о воцарении Узбека к сведениям того же информатора [4, с. 156], и рассуждает о принадлежности Байалун (мачеха Узбека) и ее брата Бай-Тимура к «группе бай» [4, с. 156–158]. Логически обоснованной является точка зрения автора о том, что принятие ислама Узбек-ханом имело личный характер и отнюдь не означало тотальной исламизации всего Улуса Джучи [4, с. 158–160], но при этом данный шаг имел определенное символическое значение [4, с. 161].

Отдельно автор анализирует столкновение «Хорезмской» (Баялун, Кутлук-Тимур и т.д.) и «центральной» (Таз, Тунгуз) партий за власть [4, с. 160–164].

Во второй главе [4, с. 165–256] автор приводит свое видение определенных исторических фактов, которые могут быть вычленены в результате источниковедческого анализа «Зубдат ал-фикра».

В первой части второй главы А.А. Порсин рассматривает структуру источника. Объясняя странность «ордынских известий Бейбарса» [4, с. 165], автор выдвигает идею, что источником сведений об Улусе Джучи был некий самостоятельный текст (а не известия информатора), который частично также отображен в известиях Ибн Халдуна, Ибн Дукмака и у ал-Айни [4, с. 165–170], причем данный текст, по мнению автора, представлял из себя три отдельных рассказа без четкого разделения по годам [4, с. 170–172]. Отвечая на вопрос: «*что интересовало самого автора в описываемых событиях*», А.А. Порсин пишет о том, что автор сведений имел «специфический взгляд» на историю Улуса Джучи, который заключался в описании отношений и борьбы за власть различных клановых группировок в Улусе Джучи [4, с. 173–176].

Во второй части второй главы рассматривается вопрос о группе «бай»/«Баят» [4, с. 177–200], которую А.А. Порсин отождествляет с кыпчакским родом баявут, из которого происходила Теркен-хатун [4, с. 177–178], которое, по его мнению, не имело связи с монгольским племенем баявут [4, с. 179]. На следующих страницах автор рассматривает дискуссионные вопросы о родоплеменном происхождении Теркен-хатун [4, с. 180–185] и роли баявтов в истории Улуса Джучи [4, с. 185–200]. Перспективными являются идеи о связи Байлак, жены Ногая с группой баят [4, с. 196–197] и о том, что Джиджек-хатун происходит из баявтов [4, с. 198–200], за тем лишь исключением, что, как мы писали выше, Джиджек-хатун вряд ли погибла после смерти Тула Буги.

В третьей части второй главы рассматривается вопрос о Курмыши и его детях [4, с. 200–212]. А.А. Порсин приводит целый ряд аргументов в пользу того, что Курмыши не являлся Чингизидом (не был сыном Орда-ичена) и относился к родоплеменной знати [4, с. 200–206], а точнее является сыном кыпчакского вождя Кунджека, современника Чингиз-хана [4, с. 206–211]. Если с первым тезисом можно согласиться безоговорочно, то отождествление Курмыши и Кумурбиша, сына Кунджека является спорной, но, безусловно, оригинальной гипотезой. По сведениям анонимного рецензента журнала Золотоордынское обозрение: «*В оригинале «Зубдат ал-фикра» упоминается о том, что в 675 году хиджры (1276 г.) в Египет прибывают в составе большой делегации Курмыши и его брат Сактай сыновья Карачина сына Чиган (Джиган) нойона служившего у Чингиз-хана. Более того, есть информация о том, что дочь Сактая была выдана замуж за султана» (См. «Зубдат ал-фикра», Бейрут, 1998, с. 152, на араб. яз.)*¹. Данное сообщение подтверждает родоплеменное происхождение Курмыши и в то же время опровергает мнение А.А. Порсина о его кыпчакском происхождении. Скорее всего, данный Чиган может быть отождествлен с Чаганом, эмиром главной сотни Чингиз-хана из племени тангут. Другим менее привлекательным вариантом является Джэдай из рода мангут.

Также можно вполне согласиться с тезисом о том, что известный со второй половины 1240-ых годов Мауци вполне может быть тождественен эмиру Маджи, который перешел от Ногая к Токте [4, с. 211–212].

¹ Хотелось бы выразить огромную признательность данному рецензенту за ценные замечания и данные сведения.

В четвертой части второй главы рассматривается вопрос о венгерских кыпчаках [4, с. 213–216]. Весьма аргументированной является мысль о том, что проигравший в Венгрии Олдамир в 1282 году бежал к Тула Буге и смог его уговорить пойти в поход на Венгрию, после чего он был среди тех эмиров, которые были казнены в 1293 году [4, с. 214–216].

В пятой части второй главы рассматривается вопрос о Тазе и Тунгузе [4, с. 216–223]. Можно согласиться с тезисом автора о невозможности отождествления Маджи и Мунджука [4, с. 217], а также с тезисами о том, что Кутук-Куртука, породнившийся с русскими князьями в 1302 году, тождественен Урунг-Куртуке, кузену Ногая [4, с. 218]. Упоминаемый хорезмский «царь» Малик-Тимур [4, с. 219] вряд ли относился к баятам. В первоисточнике он указан еще как Тилак-Демир [1, с. 144], что позволяет отождествить его с Тулук-Тимуром, сыном Куч-Тимура, который, согласно Фасихову своду, правил Хорезмом до 707 года хиджры (1307–1308) [8, с. 46]. Интересной, но очень спорной является мысль автора о том, что «эмир Кадак», помогавший сыну Токты, это искаженное отчество Тунгуза «ибн Каджана» [4, с. 220–223].

В шестой части второй главы рассматривается вопрос о происхождении Кутлук-Тимура и его братьях, и автор приходит к мысли о том, что они относились к племени баят [4, с. 223–233]. С данным тезисом очень трудно согласиться из-за целого ряда причин. Логически обоснованным также является тезис А.А. Порсина о том, что правивший до 707 г.х. Тулук-Тимур был сыном Куч-Тимура и внуком Чин-Тимура [4, с. 231].

В седьмой части второй главы рассматривается вопрос о взгляде информатора на политическую элиту Улуса Джучи [4, с. 233–246]. Анализируя различия между сведениями Бейбарса и Рашид ад-дина, автор приходит к логичному выводу о диаметрально противоположных взглядах информаторов обоих источников на историю политической борьбы в Улусе Джучи. По его мнению, информатор Бейбарса имел явно «не монгольский» взгляд на статусы соратников и врагов Ногая, где некоторые эмиры из «карачу» приравнивались к царевичам (детям и братьям ханов).

В восьмой части второй главы рассматривается вопрос о судьбе самого информатора [4, с. 246–256]. Проведя анализ сведений из первоисточника, автор приходит к мнению, что информатор относился к окружению Таза, сына Мунджука, и до середины 1290-ых годов он находился в центральных регионах Улуса Джучи [4, с. 248], позже он с Тазом и Тунгузом перешел на сторону Токты [4, с. 252], а после воцарения Узбека в 1313 году оказался в Египте как представитель проигравшей партии Тунгуза и Таза. Оригинальной является мысль о том, что русский воин, убивший Ногая, был «высокого» происхождения [4, с. 252].

Обсуждение и заключение

На основе целого ряда косвенных свидетельств А.А. Порсин предполагает, что источником сведений Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури была некая рукопись, чьи следы остались и в других арабографических мамлюкских источниках. При этом главным информатором для этой рукописи был выходец из Улу-

са Джучи, который участвовал во всех крупных политических событиях 1285–1313 годов и оказался в Египте после 1313 года. Если со вторым тезисом можно абсолютно согласиться, то идея о существовании «промежуточного звена в виде некой рукописи» нуждается в дополнительной аргументации.

Подводя итоги рецензии, стоит отметить, что труд А.А. Порсина заслуживает большого внимания со стороны историков, которые специализируются на изучении политической истории Улуса Джучи в XIII – начале XIV вв. Большинство гипотез, выдвинутых автором в данной книге, логичны и аргументированы. Несомненно, данная монография углубляет и расширяет наши научные знания как об эпохе, так и о самом сочинении «Зубдат ал-фикра». Можно вполне согласиться с мнением А.А. Порсина, что «золотоордынская часть» «Зубдат ал-фикра» наряду с другими арабоязычными сочинениями восходит к сочинению, написанному в Египте после 1313 года, непосредственное участие в подготовке которого принимал выходец из Улуса Джучи, очевидец и активный участник политических событий в Улусе Джучи в 1285–1313 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.
2. Клейн Л.С. Загадка Льва Гумилева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trv-science.ru/2011/05/10/zagadka-lva-gumilyova/> (дата посещения – 22.11.2019)
3. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Перевод с французского языка Серебряковой А. М., 2004. 305 с.
4. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
5. Почкаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
6. Сабитов Ж.М. Военное противостояние Ногай и Тохта-хана // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 246–253.
7. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. 563 с.
8. Тулибаева Ж.М. «Муджмал-и Фасихи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 45–52.
9. Хаутала Р. От Бату до Джанибека. Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 485–528.

Сведения об авторе: Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D (политические науки), доцент кафедры регионоведения Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Сатпаева, 2, Астана, Казахстан); ORCID: 0000-0001-7186-156X; ResearcherID: P-7576-2014. E-mail: babasan@yandex.ru

Поступила 20.03.2020 Принята к публикации 30.07.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arabic Sources]. Vol. 1. Almaty: Dayk-Press Publ., 2005. 711 p. (In Russian)
2. Kleyn L.S. *Zagadka L'va Gumileva* [Mystery of Lev Gumilyov]. Available at: <http://trv-science.ru/2011/05/10/zagadka-lva-gumilyova/> (last accessed 22.11.2019) (In Russian)
3. Langlois Ch.-V. and Seignobos Ch.. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History]. Serebryakova A. (tr.). Moscow, 2004. 305 p. (In Russian)
4. Porsin A.A. *Istoriya Zolotoy Ordyy kontsa XIII – nachala XIV vekov v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri “Zubdat al-fikra”* [History of the Golden Horde of the end of thirteenth and beginning of fourteenth centuries in the Work of Rukn ad-Din Beibars al-Mansuri “Zubdat al-fikra”]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)
5. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [The Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2010. 408 p. (In Russian)
6. Sabitov Zh.M. *Voennoe protivostoyanie Nogaya i Tokhta-khana* [Military confrontation between Nogai and Toqta Khan]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Ulus of Jochi and Its Successor States]. Astana, 2012, pp. 246–253. (In Russian)
7. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde]. Vol. I. St. Petersburg, 1884. 563 p. (In Russian, Arabic)
8. Tulibayeva Zh.M. “Mudzhmal-i Fasikhi” kak istochnik po izucheniyu istorii Zolotoy Ordyy [“Mujmal-i Fasikhi” as a source for studying the history of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2012, no. 5, pp. 45–52. (In Russian)
9. Hautala R. *Ot Batu do Dzhaniybeka. Voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriey (2)* [From Batu to Janybek: Military conflicts (2) of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (2)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 485–528. (In Russian)

About the author: Zhaxylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political sciences), Associate Professor of the Department of Regional Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpaev Str., Astana 010008, Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X; ResearcherID: P-7576-2014. E-mail: babasan@yandex.ru

*Received March 20, 2020 Accepted for publication July 30, 2020
Published September 29, 2020*